

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-4-55-68

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМЫ «РАССУЖДЕНИЕ» В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Кытманова Е. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ekaterina__k@hotmail.com

Поступила в редакцию 23.12.2024

После доработки 07.02.2025

Принята к публикации 10.02.2025

Аннотация

Цель. Диахроническое изучение семантической структуры лексемы «рассуждение» посредством анализа контекстов её употребления в древнерусской письменности XI–XVI вв.

Процедура и методы. Работа основывается на контекстном подходе к изучению семантики слова. Основными методами исследования являются дискурсивный, компонентный и корпусный анализ.

Результаты. Проведённое сопоставление семантических структур лексемы «рассуждение» и её греческого аналога выявило расхождения в их семном составе, вызванные особенностями рецепции византийской культуры в Древней Руси. Были установлены значимые для семантического развития исследуемой лексемы макроконтексты, а также факторы, обусловившие семантические сдвиги в её структуре.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о возможностях дискурсивного развёртывания полисеманта на основе его семантической структуры.

Ключевые слова: диахрония, дискурс, дискурсивный анализ, заимствование, контекст, полисемант, семный состав слова

Для цитирования:

Кытманова Е. А. Дискурсивный анализ семантики лексемы «рассуждение» в диахроническом аспекте // Отечественная филология. 2025. № 4. С. 55–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-4-55-68>.

Original research article

DISCOURSE ANALYSIS OF THE SEMANTICS OF THE LEXEME 'RASSUZHDENIJE' IN DIACHRONIC ASPECT

E. Kytmanova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: ekaterina__k@hotmail.com

Received by the editorial office 23.12.2024

Revised by the author 07.02.2025

Accepted for publication 10.02.2025

Abstract

Aim. Diachronic study of the semantic structure of the lexeme 'rassuzhdenije' by means of context analysis of its usage in Old Russian writings of the 11th–16th centuries.

Methodology. The research is based on contextual approach to the study of word semantics, the principal methods being discourse analysis, componential analysis and corpus-based study.

Results. The comparative analysis of the semantic structures of the lexeme 'rassuzhdenije' and its Greek cognate revealed the discrepancy in their seme composition caused by the peculiarities of reception of Byzantine culture in Old Rus'. The macrocontexts significant for the semantic development of the studied lexeme as well as the factors influencing semantic changes in its structure were identified.

Research implications. The results of the study can extend the notion of prospective discourse development of a polysemantic word based on its semantic structure.

Keywords: diachrony, discourse, discourse analysis, borrowing, context, polysemantic word, semic structure of the word

For citation:

Kytmanova, E. A. (2025). Discourse Analysis of the Semantics of the Lexeme 'Rassuzhdenije' in Diachronic Aspect. In: *Russian Studies in Philology*, 4, pp. 55–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-4-55-68>.

Введение

Лексема «рассуждение» представляет особый интерес для генристики, поскольку служит не только номинацией жанра, возникшего в русском языке на рубеже XVII–XVIII вв. и достигшего наивысшей популярности в XVIII в., но и композиционно-речевой формы, являющейся основной для всех жанров научного текста. Так как лексема «рассуждение» относится к лексике высокого уровня абстракции (обозначает сущность ментальной деятельности познающего субъекта), она была особенно подвержена влиянию коммуникативно-дискурсивных факторов (определённых социально-идеологических установок) на протяжении всего своего развития. Поэтому при исследовании семантики лексемы имеет смысл применить дискурсивный анализ, основной задачей которого является изучение взаимодействия между отдельными видами дискурса и функционированием в них данной языковой единицы, результатом которого и явилось указанное значение.

Между тем, семантические сдвиги в лексеме «рассуждение» были вызваны не только междискурсивными переходами, но и межкультурным взаимодействием. Лексема «рассуждение» появляется в русском языке в XI в. как результат субстантивации и дальнейшей деривации старославянского краткого причастия *расжжденье*, явивше-

гося функциональной заменой греческого абстрактного существительного *διάκρισις*.¹ Таким образом, слово возникло на перекрёстке греческой (византийской) и славянской культур, а затем продолжило своё развитие в русской культуре на протяжении почти всего древнерусского периода (XI–XVII вв.), развив наряду с усвоенными инокультурными и собственными национально-специфические значения.

Актуальность статьи заключается в том, что до сих пор лексема «рассуждение» не была предметом специального научного изучения, а лексикографические дефиниции исторических словарей не дают точного представления ни о семантике слова в конкретный период времени (поскольку рассматривают контексты употребления слова не дифференцированно), ни об этапах её развития.

Процедуры и методы исследования

Поскольку мы исходим из того, что «прямым проявлением системных связей в семантике является контекст» [1, с. 17] и «жизнь» любой единицы языка практически осуществляется в пределах целого дискурса» [1, с. 76], подходом к исследованию были выбраны основные положения контекстной семантики, разработанные Г. В. Колшанским, а методом исследова-

¹ Подробнее об этом в статье автора «Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ».

ния – дискурсивный анализ, дополненный компонентным анализом и корпусными исследованиями.

Дискурсивный анализ хорошо рекомендовал себя в исследовании исторического развития имён отвлечённой семантики [2]. Как отмечает М. Ю. Колокольникова, «данный подход позволяет изучать лингвистические механизмы в неразрывной связи с глубинными процессами, обуславливающими эти связи» [2, с. 48].

Дискурс понимается нами как речемыслительная деятельность, соотносящаяся с определённым видом социальной активности. Следовательно, для создания полной картины семантических сдвигов необходима реконструкция той социокультурной среды, в рамках которой происходило историческое изменение значения лексической единицы.

Сочетание корпусных (количественных) методов с качественными позволяет обнаружить «пики» наиболее частотного использования лексемы и связать их с идеологическими изменениями в обществе.

Компонентный анализ используется для установки иерархии сем в семантической структуре слова, её перестройки и потенциальных направлений дискурсивного развёртывания.

В работе рассмотрены макроконтексты лексемы «рассуждение» в греческой и русской культурах, описаны семантические сдвиги, произошедшие в слове под воздействием экстралингвистических и лингвистических факторов, а также предложена реконструкция его семантической структуры и семного состава на конец XVI в.

Лексема *διάκρισις* в греко-византийской культуре

Древнегреческая лексема *διάκρισις* – от многозначного гл. *διάκρινω* (*διά* + *κρινω* – отделять, разделять), согласно словарю Дворецкого¹ имела 7 значений, группирующихся вокруг двух основных сем: «разделе-

ние» (различение, разложение) и «спор» (разбор, (ис)толкование, решение), соотношение между которыми менялось в зависимости от идейных установок авторов текстов, а также дискурсивных различий самих текстов.

Попав в поле зрения Платона и Аристотеля, слово с конкретным значением результата действия по глаголу *διάκρινω* приобрело абстрактное значение ментального действия – анализа, который включал этапы: разложение на составляющие; сравнение компонентов (различение, выявление контрастных черт); вынесение решения (вывод). Примечательно, что однокоренное образование – *διακριτική* – обозначало у Платона целое искусство разделения или классификации – диакритику. Как видим, семы здесь находятся в полной гармонии, что характерно для античного мировоззрения в целом.

С возникновением христианства семантика лексемы вновь меняется. В слове фиксируется 4 значения: 1) «разделение, различие»; 2) «отделение»; 3) «проницательность, высшее суждение, основанное на внимательном изучении» и 4) «колебание, сомнение».²

Здесь уже наблюдается контрастное расхождение сем не по принципу ядро – периферия, а к двум противоположным полюсам, которые приобретают эмоциональную окраску и приводят к изменениям не только в денотативном, но и прагматическом компоненте, развивая мелиоративные и пейоративные значения. В результате возникает энантиосемия, которая, в сущности, связана с христианским мировоззрением. Возможно, поэтому *διάκρισις* становится одним из главных концептов византийского богословия.

Несмотря на то, что слово *διάκρισις* употребляется в Новом Завете всего три раза и только в апостольских посланиях Павла (Рим. 14:23, 1 Кор. 12:10, Евр. 5:14) в нейтральном значении «разделение», оно становится предметом глубоких размышлений святых отцов на протяжении нескольких столетий.

¹ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Л. Москва: ГИС, 1958. С. 373.

² Lampe G. W. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 354.

Впервые выражение *διακρίσεις πνευμάτων* употребляется в речи апостола Павла (*разсужденія дѣховѣмъ*) (1 Кор. 12:10). Павел говорит о девяти духовных дарах, перечисляя среди них *διακρίσεις πνευμάτων* – различение духов.

Неясный смысл этой фразы впервые интерпретировал представитель александрийской школы экзегезы Ориген. В понимании Оригена, представлявшего историю человечества как борьбу между духами добра и зла, *διακρίσεις πνευμάτων* предстаёт как способность различать, от Бога или от дьявола исходит мысль. Человек не обладает данной способностью от рождения, но она может быть дарована Святым Духом. Обретение этого дара – шаг на пути к Богу. Возникают новые оттенки смысла: *διακρίσεις πνευμάτων* и дарована духом, и обретается в душе, поскольку, согласно Оригену, человек имеет свободу выбора и несёт ответственность за свой выбор; следовательно, различение добра и зла совершается в сознании человека и является нравственным решением.

Как известно, идеи Оригена оказали большое влияние на пустынное монашество, в чём осмыслении обретение даров Святого Духа и приближение к Богу хотя и являются целью аскезы, однако суть различения добрых и злых духов видится по-иному. Не останавливаясь подробно на развитии идеи, поскольку это уже рассмотрено в трудах исследователей ранней христианской церкви [3], отметим лишь, что к началу V в. духи были вытеснены страстями, а само словосочетание *διακρίσεις πνευμάτων* подверглось эллипсу и сократилось до слова *διάκρισις*, приняв на себя значение всего словосочетания: «способность различать страсти (грехи)». Понятие встало в один ряд с такими концептами, как «разум», «мудрость» и «знание», и стало культивироваться как добродетель.

В учении Иоанна Кассиана Римлянина *διάκρισις* (*discretio*) обретает новые смыслы: это уже не только божественный дар распознавания духов, но и человеческая способность или навык, приобретённый с помощью волевого и умственного усилия, поскольку духи представляются не как

внешние факторы, а как помыслы, возникающие в душе самого человека. В качестве критериев оценки или проверки помыслов св. Кассиан выдвигает понятие *conscientia* (совесть), а также необходимость обращения к Священному Писанию, советам духовных наставников и установлениям предков. Как отмечает А. Р. Фокин, «согласно св. Кассиану, каждый возникающий в нашей душе помысел мы сами должны «исследовать со всей тщательностью (*omni scrupulo*) и взвешивать на весах нашего сердца (*in nostri pectoris trutina*) ... С другой стороны, все наши помыслы мы должны «взвешивать общественным испытанием (*ad examen publicum trutinantes*), то есть сопоставлять их с деяниями и свидетельствами пророков и апостолов» ... Ту же функцию критерия выполняют и «установления предков» (*instituta maiorum*) ... , а также наставления опытных духовных наставников – старцев (*seniores*)» [4, с. 65–66].

Контролирующая и регулирующая функции способности к различению помыслов (*discretio*) здесь выходят на первый план. Описан и «алгоритм» различения: собственное познание, обращение за советом в иерархической последовательности (Св. Писание, св. отцы, «установления предков», старцы). Это необходимо, чтобы приобрести истинную способность, исходящую от Бога, а не от дьявола. Следовательно, *discretio* – не безусловно Божий дар, ибо действовать можно и во благо, и во зло, доверяясь только собственному разуму и пренебрегая советом тех, кто более опытен и просвещён в науке рассуждения. Основываться на собственном мнении – признак гордости и кичливости, отсюда дар *discretio* обретается только через величайшее смирение.

Очевидно, что идея умеренности и благоразумия во всех делах была почерпнута Иоанном Кассианом у Василия Великого и Григория Богослова. Не будучи сторонником чрезмерно строгого отношения к плоти, Василий Великий прежде всего подчёркивал духовный аспект подвижничества. Он был основателем особого типа монашества, а именно «учёного», «городского» или «общественного».

Несколько иное представление мы обнаруживаем у представителя аскетического монашества Иоанна Синайского (Лествичника), для которого *διάκρισις* – один из ключевых концептов на пути к духовному восхождению к Богу. Лествичник не поясняет, что такое *διάκρισις*, хотя и посвящает ему отдельную главу (26 ступень), но показывает способы практического применения данной способности в различных ситуациях борьбы со злом (бесами). Его концепт базируется на категории «видения», «зрения», «духовного ока». Отсюда связь *διάκρισις* со светом – это источник света, светильник во тьме. Не случайно в западноевропейских источниках *diakrisis* переводится как «проницательность, способность ясно судить о людях и вещах» (англ. *discernment*), «распознавание, проницательность», «деятельность духа по различению объектов мысли», «способность различать, понимать то, что неочевидно» (франц. *discernement*).

Таким образом, в аскетическом богословии понятие *διάκρισις* было связано с «умственным зрением», способностью видеть сквозь предметы, время и расстояние, а «видение» приравнивалось к пониманию.

В подглавке *Περὶ διακρίσεως εὐδιακρίτου* (О высшей проницательности) Лествичник подробно останавливается на идее о том, что мысли, приходящие к человеку, имеют три разных источника: Бог, дьявол и сам человек. В задачу различения входило определение источника мысли. Но это дано было только избранным, совершенным в искусстве. Вот почему обращение за советом к духовным отцам было одним из действий, формирующих способность различения и понимания тех, кто только встал на путь постижения Бога.

В текстах юридического дискурса лексема *διάκρισις* имела другое значение – «судебное решение». К юридическим текстам относились как канонические тексты (Номоканон Иоанна Схоластика, постановления соборов, уставы монастырей), так и светские тексты (Новеллы императора Юстиниана и др.). Данное значение также

присутствовало в дидактических текстах светского характера (Поучения Агапита).

Во всех переводных словарях с греческого на другие европейские языки указывается ещё одно значение *διάκρισις*, и глагола *διάκρινω* – «сомнение», «сомневаться». Однако в науке появляется всё больше статей, не согласных с данными лексикографов. Так, например, «новозаветное» значение глагола *διάκρινω* (сомневаться, колебаться) в среднем и страдательном залоге, которое, как утверждается присутствует в Евангелии, опровергается современными исследованиями [5; 6].

Значение лексемы *διάκρισις* (сомнение), по данным словаря Lampe, также, на наш взгляд, не точно, по крайней мере иллюстративный материал заставляет в этом разобратся. Так, словарь приводит ссылку на цитату из письма Василия Великого епископу Воспорию, в котором слово *διάκρισις* якобы выражает «сомнение»: *ἐπὶ τῇ πληροφορίᾳ ταύτῃ λύσαντας πάσων τῶν καρδιῶν τὴν διάκρισιν ὡς καὶ αὐτὸς ἐπίστασαι προσελθεῖν τῇ κοινωνίᾳ καὶ ληυόμενους παύσασθαι*.¹ Неверный перевод, вероятнее всего, возник под влиянием латинского языка (*cordis dubitatione*), зафиксированном в патрологии Миня и повлечшем ошибки в других языках (Ср. *Посему после такого удостоверения, уничтожив всякое сомнение в сердце, как самому тебе известно, приступил я к общению с ним и прекратил свою скорбь*).²

Поскольку *πληροφορία* (удостоверение, полная уверенность) – это заверения Диания Кесарийского на смертном одре, то о каком дальнейшем общении может идти речь? Здесь неверно переведено не только слово *διάκρισιν*, но и вся фраза. Скорее всего, *διάκρισιν* в данном случае имеет своё основное значение – «разделение», уточнённое контекстом («расхождение во взглядах»), явившееся причиной скорби,

¹ S. Basilius Magnus, caesariæ cappadociae archiepiscopus. Epistolae. In: Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857-1866, vol. 32. Col. 392.

² Свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской Творения: в 2 т. Москва: Сибирская благовонница, 2008–2009. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; Т. 4) // Том 2. 2009. С. 537.

и речь идёт о восстановлении духовной общности (*κοινωνία*) между отцами.

Тем не менее негативные коннотации продолжали возникать в самом слове и особенно в глаголе *διάκριω*, как и в образованном от него субстантивированном страдательном причастии *διακριόμενος* в значении «противник, несогласный, еретик». Возникшее в V в. как следствие событий Халкидонского собора, на котором осудили несторианство и монофизитство, данное значение нашло отражение в документах собора, «Церковной истории» Феодора Анагноста, трудах Леонтия Византийского и трактате «О принятии еретиков» Тимофея, пресвитера Константинополя, в котором *διακρινομένων* (сомневающийся) выделены в отдельную еретическую секту. Возможно, еретики были названы так потому, что занимали срединную позицию между крайним проявлением монофизитства (евгихианством) и православным большинством, верующим в двойственную природу Христа.

Таким образом, в семантической структуре лексемы *διάκρισις* прослеживается метонимический сдвиг, связанный с семой «разделение», поскольку несогласные с решением Халкидонского собора буквально «отделились» от константинопольской церкви, а в прагматическом компоненте наблюдается явление пейорации, поскольку действия несогласных были осуждены и сами они подвергнуты остракизму.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что греческая лексема *διάκρισις* имела две основные семы – «различение» и «спор», которые постепенно трансформировались в «проницательность» (ум духовный) и «благоразумие», «рассудительность» (ум практический) в сочинениях святых отцов, причём первое значение преобладало в трудах аскетического монашества, а второе – в поучениях и толкованиях богословов-законников византийской церкви, при этом сохраняя общезыковое значение – «различение». При этом в прагматическом компоненте лексемы фиксируется в целом нейтральное или положительное значение, тогда как её производные развили отрицательные значения.

Лексема «рассуждение» в древнерусской культуре

Появление старославянской функциональной замены греческой лексемы *διάκρισις* относится к XI в. и наблюдаются в таких переводных произведениях, как Пандекты Антиоха Черноризца, Изборник Святослава 1073 г., Изборник 1076 г. и Синайский патерик.

Данные произведения различались не только по жанрам, но и относились к различным дискурсам, причём некоторые из них объединяли в себе тексты нескольких дискурсов. Так, Пандекты и Изборники содержали тексты как **религиозно-дидактического**, так и **религиозно-юридического дискурсов**. Буквальный перевод делал многие места этих книг, включая контексты с «рассуждением», трудными для понимания русскими людьми, да и частотность употребления слова в них не была высокой.

Однако уже в XII в. на Руси значительно возрастает количество старославянских и собственно русских переводов, содержащих данную лексему. В XIV–XV вв. в связи со вторым южнославянским влиянием объём литературы ещё больше увеличивается, появляется оригинальная русская литература, что значительно расширяет макроконтекст «рассуждения» и способствует его пониманию и усвоению русской культурой.

«Освоение» лексемы в русской культуре начинается во второй половине XIV в., что можно связать с несколькими факторами: распространением монашества и культурным возрождением после монголо-татарского ига, вторым южнославянским влиянием, ростом самосознания и началом формирования национальной идентичности.

Согласно данным Национального корпуса русского языка (панхронический подкорпус), частотность лексемы «рассуждение» соответствует следующему синусоидному графику с пиками в XIV в. (38,5), в 20-х гг. (52,78) и конце XV в. (137, 98), в 70-х гг. XVI в. (35,78), в начале (48,16) и 60-х гг. XVII в. (55,82) (рис. 1).

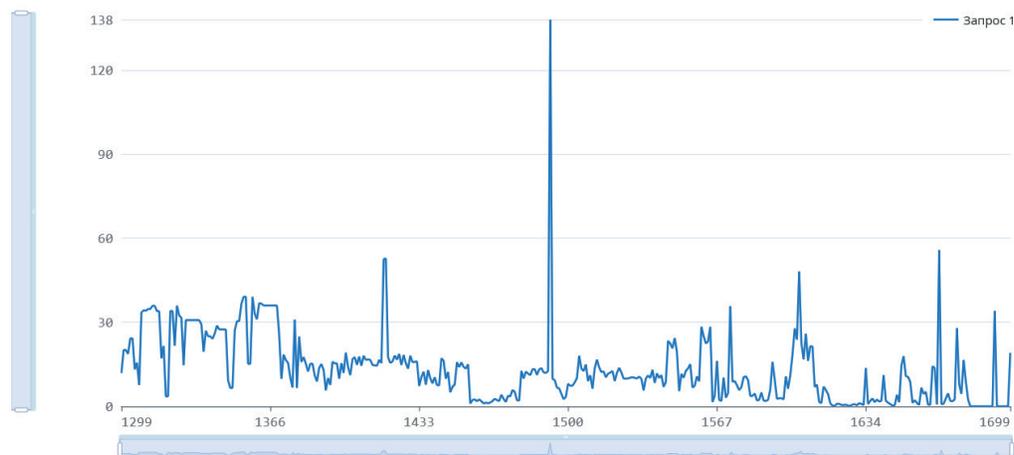

Рис. 1. / Fig. 1. Частотность лексемы «рассуждение» в XIV–XVII вв. / Frequency of the lexeme ‘rassuzhdenije’ in the 14th–17th c.

Источник: Национальный корпус русского языка: [сайт].
URL: [https:// ruscorpora.ru](https://ruscorpora.ru) (дата обращения: 18.12.2024).

Данный график во многом совпадает с кривой интенсивности переписки келейной исихастской литературы в трёх монастырях (Троице-Сергиевой лавре, Кирилло-Белозерском и Соловецком монастырях), где основной переписываемой книгой была Лествица Иоанна Синайского [7].

Именно Лествица стала тем текстом, который давал русскому человеку некоторое понимание значения *διάκρισις*, поскольку содержал не только дефиницию слова, сложившуюся в аскетическом богословии, но и наглядный пример самого процесса духовной практики различения добра и зла.

Так, основная функция «*расоужения*» по Лествичнику – это «*бжствьнына воля безъблазна достижение въ все время и мѣсто и дѣло*»¹, а суть сводится к трём ипостасям в зависимости от уровня подготовки иноков (истинное познание, умное чувство и божественно просвещённый разум): «*Расоужение есть въ водимыхъ оубо техъ жеже о себѣ истинное познание въ срѣднихъ же жежесть рмѣ блго отъ естества наисоуправивна не съ грѣшнѣ расоужаю расоужаю разоумнымъ чюутиемъ въ свѣршенихъ же соущи бжствьнымъ же просвѣщеніемъ разоумъ*

иже въ другихъ тѣмьнага соуща свѣимъ свѣтиломъ бо свѣщати могои».²

Являя пример духовной практики, Иоанн Синайский учит, как определять истоки человеческих слабостей, обнаруживая причинно-следственные связи, облечённые в типичную для средневекового сознания метафорическую форму. Автор Лествицы постоянно анализирует, расчленяет то или иное явление на части, детализирует, выстраивает иерархию благих поступков, ведущих к «излечению» души (алфавит духовный). Однако демонстрируемый метод доступен далеко не всем: им владеет лишь тот, кто уже достиг ступеней духовного просветления.

Для «*водимыхъ*» же иноков самостоятельное распознавание воли божьей было невозможно, но они могли обратиться за советом к духовным отцам или братьям: «*ѣлико гѣно въсхотѣша оувѣдѣти вѣлю самі са оуморити дѣлжн и быша вѣрою и непронрывою простотою помоливъшеса и дшгъ очѣскъ или братыѣ въ смѣрении неколѣблющемъ са съ ср(д) цѣмъ вѣпрашавъше*».³ Данная идея получает развитие в более позднем, хотя и появившемся на Руси веком ранее источ-

¹ Иоанн Лествичник, Синайский, прп. Лествица. XII в. Рум № 198. Л. 144.

² Там же

³ Там же. Л. 159–160.

нике – Пандектах Антиоха Черногорца: «Подобаетъ же и намъ творити оубо труды съ съмъренъемъ и **расъжденьемъ**, сирѣчь въпрошенъемъ бжовныхъ бцъ».¹

Познание через диалог – давняя традиция, восходящая к философии Сократа и Платона, принимает тем не менее несколько иные формы в практике аскетического монашества, перенёсшего акцент с рационального на нравственное начало. Такое понимание интеллектуальной деятельности пустило глубокие корни в русском языковом сознании, чему свидетельствует текст Стоглава, который состоит из вопросов царя Ивана Грозного, обращённых к духовенству, и «ответов» последнего, выраженных в положениях, утверждённых собором. Обращаясь к митрополиту Макарию, царь призывает его «попроса оу бга помощи въвсаки(х) ноужа(х) посовѣтѹите и **разсѹдите** и оуложите и оутвердите по правилѡ(м) сты(х) апль и сты(х) ѡ(т)цѹ и по прежни(м) законѡ(м) прарѡдители наши(х)».² Такое сличение законов земных с божественными необходимо для того, чтобы «соу(д) былъ праведенъ», т. е. справедлив.³

Итак, мы видим, что в русском языковом сознании рациональная составляющая «рассуждения», заключающаяся в анализе (чётком делении на составляющие) и установлении каузальных связей, ослабевает, а вопросно-ответная формула действия выходит на передний план, дополняясь аксиологической составляющей – идеей справедливости.

Сложность абстрактного понятия *δικρισις* и его принадлежность другой культуре долгое время не позволяли русскому человеку воспринимать слово адекватно. Пресуппозицией для его понимания мог быть корень «соуд» и представления о Божьем суде и судебной деятельности как

таковой. Как отметил В. В. Колесов, «калькирование как способ восприятия новых форм ментальности на основе исконно славянских морфем становится главным средством семантического насыщения слов смыслом» [8, с. 205].

Многочисленные грамоты XIV–XV вв., сохранившиеся в летописях, свидетельствуют о частотности фразы «Бог рассудит», ставшей своего рода юридическим клише, скреплявшем договор: «да шже Михалка Бъ поналъ а с брато(м) ѹго Всеволодомъ Бъ **росудилъ** та чему к намъ идеши и не приаши ѹго»⁴; «а ты поиди ко Смоленскоу а наъ к Черногорову да како насъ Бъ **расоудитъ** и кр(с)тъ ч(ст)ными».⁵

Данная формула, по всей видимости, восходит к древнеславянскому переводу Синайской псалтири, в которой содержится глагол *diakrivei*, переведённый как *расждитъ*: «Бъ ста въ сьнмъ бѹ прѣсрѣдѹ же бѹи **расждитъ** (Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд» (Пс. 81:1).⁶ В псалме осуждается несправедливость судей. Бог представляется по псалму выступившим среди земных судей для оценки их деятельности и нашедшим, что последняя подлежит осуждению. Бог же возвещает праведный суд. К справедливому суду вызывают и составители грамот.

Другим контекстом для лексемы «рассуждение» служило не менее популярное, чем Лествица, произведение поздневизантийской эпохи – Пандекты Никона Черногорца. Для настоящего исследования данный текст интересен прежде всего тем, что он объединяет в одной книге юридические акты с богословскими трактатами. Монументальный труд Никона Черногорца, который изначально назывался «Толкования заповедей Господних» (*Ερμηνείαι τῶν ἐντολῶν τοῦ Κυρίου*), представляет собой, с одной стороны, сборник выдержек из Св. Писания, трудов святых

¹ Popovski J. The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription // Polata knjigopisnaja. An information Bulletin Devoted to the Study of early Slavic Books, Texts and Literatures. Amsterdam, January, 1989. № 23–24. P. 129.

² Стоглав (постановления Московского Собора 1551 г.). Ф. 304 / I № 215. Л. 38.

³ Там же. Л. 37.

⁴ Лаврентьевская летопись 1377 г. (1177). Л. 129 об.

⁵ Ипатьевская летопись XV в. (ок. 1425). Л. 238 об.

⁶ Синайская псалтырь: глаголический памятник XI века / подготовил к печати Сергей Северьянов. Петроград: Отд-ние русского яз. и словесности Российской акад. наук, 1922. VII. С. 110а.

отцов и церковных преданий, предназначенных для чтения, а с другой – комментарий к кодексу византийского церковно-канонического права и постановлений светской власти, касающихся церковных дел, объединяя, таким образом, тексты, относящиеся к двум дискурсам: религиозно-дидактическому и религиозно-юридическому.

Пандекты были переведены на старославянский язык во второй половине XII в. Позднее, в XIV в., был сделан южнорусский перевод, сохранившийся в русских списках и изданный в 1591 г. в Вильно. Объединив два дискурса – дидактический и юридический, Никон Черногорец сблизил в одном контексте «рассуждение» со значением «действие разума» и «рассуждение» как «судебное разбирательство», что вызвало у переводчика соблазн использовать слова «ра(з)сужденіе» и «расоужати» для всех производных от греческого глагола *κρίνω*. Как тонко заметил один из первых русских исследователей Пандектов И. И. Срезневский, «это был тот обыкновенный Славянский, который употребляем был во всех подобных книгах у Славян православных в церковной и учительной письменности, но с особенным Русским оттенком» [9, с. 4].

Слово *diákrisis* встречается в Пандектах в многообразии контекстов и значений: «различение», «проницательность», «благоразумие», «рассудительность», «умеренность» (религиозно-дидактический дискурс), «судебное решение» (юридический) и даже «толкование» (религиозно-философский). Последнее объясняется ошибкой древнерусского переводчика, который применил *ра(з)сужденіе* для перевода лексемы *ἀποκρίσεων* («отделение, извлечение»): «*рассжж(д)енія ѿ различни(х) писаниі составлена*»¹ – в греческом тексте имеется в виду «извлечение, выборка», однако в русском тексте лексема приобретает значение «толкование».

В Пандектах содержатся и другие возможные несоответствия оригиналу.

¹ Никон Черногорец. Пандекты. Трет. четв. XIV в. Ф. 98. № 18. Л. 201.

Например, загадочная фраза, автором которой вполне мог быть древнеболгарский книжник, пытающийся объяснить слово через двойной перевод (этимологический анализ и семантический эквивалент): «*бываетъ же и по иномъ образу рассжж(д)еніе и просто рещи съхожденіе*». ² Данное контекстуальное значение («речь») особенно интересно, поскольку оно близко современному пониманию «рассуждения» как «высказывания» и «функционально-смыслового типа речи». В семантике данного отглагольного субстантива *рассжж(д)еніе* наблюдается сближение мыслительной и речевой деятельности и намечается движение к новой единице смысла – «рассуждению как тексту».

Анализ контекстов показывает, что вплоть до конца XV в. лексема «рассуждение» не входила в речь носителей русского языка в качестве самостоятельной единицы. Подобно другим калькированным заимствованиям, которые, по замечанию В. В. Колесова, «не были свободными от контекстов, в составе которых они перешли к славянам» [8, с. 201], лексема выполняла лишь функцию аллюзии на известный текст.

Приведём пример такого употребления агиографом Сергия Радонежского Епифанием Премудрым: «*Жестоко же постное житие живяше; бяху же добродѣтели его сице: алкание, жадание, бѣдѣние, сухоядение, на земле легание, чистота телесная и душевная, устнама млгчание, плотскаго хотѣннѣ извѣстное умрѣщевие, труди телеснии, смиреніе нелицемѣрное, молитва непрестающѣи, **разсужение доброразсудное**, любовь совершенаа, худость ризѣная, память смертнаа, кротость с тихостію, страх Божий непрестанный*». ³ «*Разсужение доброразсудное*» – это взятая из Лествицы фраза (о *расюженіи добрърасюднѣньмъ*), подчёркивающая духовную связь Сергия Радонежского с Иоанном Синайским и

² Там же. Л. 206.

³ Житие Сергия Радонежского. Т. 6. XIV – середина XV века / под. ред. Д. С. Лихачёва и др. СПб.: Наука, 1999. Л. 310.

принадлежность русского святого к кругу совершенных, стяжавших благодать Святого Духа.

Понимание «рассуждения» как дара становится характерным для всей житийной литературы. Так, в «Надсловии на книгу блаженного Нила Сорского, сочинённом его учеником иноком Иннокентием» утверждается: *«И паки стый кассіанъ рече: всаким оубо тцаніемъ даръ разсвжденіа поицимъ, сие бо имать крѣпость сохранити. источнику убо мати, бездна есть: разсвжденію же смиреніе»*.¹

Такое понимание сохранилось и у оптинских старцев: *«Постижение воли Божией доступно чистым по жизни своей. Они получают дар духовного рассуждения, а оно выше всех добродетелей»*²; *«строгость аскетической жизни, богословская начитанность и дар рассуждения очень скоро привлекли к нему многих людей, ищущих спасения души»*³, и в современных богословских кругах: «дар рассуждения – это не “рационализация”, “анализ” или какие-то другие формы дискретного мышления. Рассуждение – это о том, чтобы лучше видеть очищенным от страстей сердцем, а не о “тщательном продумывании”, взвешивании всех “за” и “против”, как может показаться на первый взгляд» [10, с. 46].

Между тем, привнесение в семантику лексемы «рассуждение» рационального элемента начинается уже в XV в. и соотносится с именем Нила Сорского, чьи идеи, по мнению А. С. Архангельского, «при всём их специально-аскетическом содержании», были «весьма важным умственным фактом» на Руси [11, с. 283].

Именно у Нила Сорского, который посетил Афон и познал технику исихазма непосредственно от афонских монахов, наблюдается выработка понимания «рассуждения» и его осознанное употребление применительно к новой ситуации. В силу особенностей своего аскетизма, который имел чисто духовный, направленный на самосовершенствование человека, а не умерщвление его плоти, характер, Нил Сорский рассматривал подвиг нравственного самосовершенствования человека как явление разумно-сознательное. Инок должен совершать его не в силу предписаний, а *«съ разсмотрением»* и *«съ разсуждениемъ»*, по своему собственному убеждению в его необходимости: *«и самая сия добрая и благолепная делания съ разсуждениемъ подбавит творити, якоже глаголет великий Василий: всехъ действуемыхъ мудрованию предварити, без мудрования и доброе на злобе бываетъ»*.⁴

Идеи Нила Сорского оказали большое влияние на его ученика и последователя Вассиана Патрикеева, однако в данной работе нас интересует не столько общественная деятельность последнего, сколько его вклад в объединение риторик религиозного и юридического дискурсов.

Развивая идеи нестяжательства, Вассиан выражает свои общественно-политические взгляды в той форме, которая была ему единственно доступной – в форме идеологической, религиозной борьбы. Его «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания» – это яркое публицистическое произведение, написанное как наставление инокам, которое тем не менее пользовалось популярностью и у мирян. В «Собрании» содержится следующий абзац, напоминающий судебную речь: *«Разсудим себе братие чем хужши есмы мирских – мир не мерзит нам, и еже убо что у мирских видим дивно, то всею силою подвизаемся дабы и у нас тако же было, а не помним яко того есмы всего отверглися в постригании своем и всего мира. ... Но*

¹ Надсловие на книгу Нила Сорского, сочинённое учеником его, иноком Иннокентием / Устав Нила Сорского = Нила Сорского рукопись. XVIII в. Л. 94.

² Житие преподобного Никона, исповедника, старца Оптинского // Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. 2-е изд. Святововеденский монастырь. Оптина Пустынь, 2004. С. 441–485, с. 471.

³ Житие преподобного Варсонофия Оптинского // Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. 2-е изд. Святововеденский монастырь. Оптина Пустынь, 2004. С. 345–375, с. 354.

⁴ Нил Сорский. Устав Нила Сорского = Нила Сорского рукопись. XVIII в. Л. 66.

чем мы лутчи есмь мирских? Воистину ничем же» [12, с. 225–226].

Глагол «рассуждать» здесь вводит не просто текст, но образец доказательного размышления, в основе которого лежит сравнение и противопоставление. Здесь также используется вопросно-ответная формула, однако вопросы имеют риторический характер, помогая оратору развивать свою мысль.

Чтобы прояснить смысл наблюдаемого явления, приведём в пример тот факт, что «Собрание некоего старца» почти полностью вошло в Кормчую Вассиана Патрикеева, за исключением анализируемого фрагмента. Кормчая как документ канонический не допускала включения устной речи, в отличие от «Собрания некоего старца», где мы видим живую разговорную речь, перемежающуюся цитатами из Св. Писания и произведений отцов Церкви. Впоследствии такая форма текста будет характерна для сочинений старообрядцев, в частности для протопопа Аввакума. Это явление может быть объяснено действием «механизма пересчёта», описанным В. М. Живовым [13, с. 171].

«Механизм пересчёта» заключался в том, что, ориентируясь на образцовые выученные наизусть тексты, средневековые авторы тем не менее не всегда воспроизводили в точности эти образцы, но допускали переделки с использованием форм и конструкций живого языка тогда, когда по каким-либо причинам выученные образцы не активировались, т. е. авторы не находили в образцах готового лингвистического материала для того сообщения, которое хотели породить. Так, стремясь призвать монахов к бдительности и ответственности за свои поступки, совершенные против монашеского обета, Вассиан прибегает к известной ему по судебной практике юридической риторике, вплетая её в религиозно-нравоучительное произведение и создавая таким образом предпосылки для появления нового дискурса – политического.

Значительные сдвиги в семантике лексемы «рассуждение», которые на-

блюдаются в начале XVI в., обусловлены новым этапом в развитии мировоззрения русского человека. По замечанию А. Н. Ужанкова, этот новый этап древнерусской книжности был связан с поворотом истории от Древней Руси к Московскому царству, сменой теоцентрического мировосприятия на антропоцентрическое и проявлением рационального рассудочного начала в писательском творчестве [14, с. 16].

Лексема «рассуждение», являясь номинацией умственной деятельности, активно употребляется практически во всех жанрах основного для эпохи религиозного дискурса, имеющего разветвлённую иерархию подвидов: сакрально-литургического (Священное Писание), религиозно-юридического (Кормчие, уставы монастырей), религиозно-дидактического (сочинения святых отцов в виде толкований и поучений монашеству) и религиозно-просветительского (жития святых, сборники религиозно-философского характера), между которыми, однако, не было чётких границ. Средневековые тексты известны своей гетерогенностью, которая отражает и гетерогенность сознания, проникнутого религиозной идеей [15]. Можно предположить, что данная гетерогенность и способствовала продвижению лексемы по различным стратам дискурса, в ходе которого могла развиваться её семантика. Однако о подлинном изменении значения можно судить только с момента «выхода» лексемы из религиозного дискурса в политический.

Таким образом, понимание лексемы «рассуждение» в русской лингвокультуре складывалось в разных дискурсах и с учётом различных пресуппозиций и было тесно связано с развитием русской ментальности, национального сознания и самосознания отдельной личности в ходе освоения религиозно-философского опыта византийской христианской культуры и в полемической борьбе внутри самой русской церкви.

Заключение

Лексема «рассуждение», восходящая к греческому слову *διάκρισις*, прошла длительный путь развития в русском языке, значительно изменив исходную семантику и развив национально-специфические значения в результате функционирования в различных макроконтекстах.

Если греческая лексема *διάκρισις* имела две ядерные семы («разделение» и «спор») с дифференциальными семами («проницательность», «ум духовный», «ум практический» и «судебное решение»), то русская лексема «рассуждение» уже на начальном этапе рецепции включала в свой состав три компонента: «высший суд», «божественный дар» и «просвещённый разум», находящиеся в разных иерархических отношениях.

Будучи семантическим заимствованием, «рассуждение» первоначально воспринималось через призму судебной практики и христианских представлений о Божьем Суде в текстах религиозно-канонического дискурса, что делало сему «высший суд» интегральной. По мере распространения и совершенствования монашеской духовной практики, отразившейся в религиозно-дидактическом дискурсе, возрастала степень абстракции слова и увеличивался объём его семантической структуры, приводя к изменениям в семном составе слова.

В итоге сема «высший суд» стала смещаться к периферии, а её дифференциальный компонент – «справедливая оценка» – в приядерную зону. Сема «божественный дар» стала интегральной

семой с дифференциальными семами «способность к познанию воли Божией» и «просвещённый разум» (как результат совершенствования этой способности), а также семой «способность размышлять вопросно-ответным методом».

С выделением политической сферы как новой области духовности, а также в результате совмещения юридического и дидактического дискурсов иерархия сем вновь изменилась: дифференциальная сема «просвещённый разум» оказалась в ядерной зоне, а сема «божественный дар» сместилась к периферии, при этом сема «просвещённый разум», с одной стороны, стала уточняться дифференциальными семами – «оценочное действие» и «размышление» (результат эллипсиса семы «способность размышлять вопросно-ответным методом»), а с другой – в прагматическом компоненте утратила возвышенные коннотации, связанные с божественным происхождением способности.

С переходом слова в политический дискурс сема «размышление» стала ядерной архисемой с дифференциальными семами «психолого-когнитивная процедура», «анализ» и «оценка».

Таким образом, с помощью контекстного подхода и дискурсивного анализа была выявлена динамика семантических сдвигов в лексеме «рассуждение» и определён её семный состав на начало XVI в., что в дальнейшем позволит реконструировать механизм её дискурсивного развёртывания и выявить специфику «рассуждения» как жанра и композиционно-речевой формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.
2. Колокольникова М. Ю. Роль дискурс-анализа в исследовании исторического развития имён отвлечённой семантики (на материале лексики морально-этической сферы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 4. С. 47–51.
3. Lienhard J. T. On “Discernment of Spirits” in the Early Church // *Theological Studies*. 1980. Т. 41. № 3. P. 505–529.
4. Фокин А. Р. Духовная рассудительность у преподобного Иоанна Кассиана и в западной аскетической традиции V–VI веков // *Христианское чтение*. 2018. № 5. С. 62–72. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10108.
5. DeGraaf D. Some Doubts about Doubt: The New Testament Use of *Διακρίνω* // *Journal of the Evangelical Theological Society*. 2005. Vol. 48. № 4. P. 733–755.

6. Бутаков П. А. Вера, сомнение и diakrisis в свете теории двойного процесса // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2023. Т. 17. № 2. С. 1084–1097. DOI: 10.25205/1995-4328-2022-17-2-1084-1097.
7. Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 28: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. / отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л.: Наука, 1974. С. 317–324.
8. Колесов В. В. *Философия русского слова*. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
9. Срезневский И. И. *Пандекты Никона Черногорца по древнему переводу*. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1872. 5 с.
10. Великанов П. И. Добродетель рассудительности (диакрисис) и мистический опыт // *Психическое здоровье и религиозный мистический опыт: материалы международной конференции, Москва, 07–08 ноября 2019 г.* СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 39–47.
11. Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси: Преподобный Нил Сорский. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский: историко-литературный очерк А. С. Архангельского. СПб.: Тип. И. Вошинского, 1882. 283 с.
12. Казакова Н. А. *Вассиан Патрикеев и его сочинения: исследование и тексты*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 363 с.
13. Живов В. М. *История языка русской письменности в 2 т. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науки*. 2017. 816 с.
14. Ужанков А. Н. *Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры*. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с.
15. Анисимова Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. № 15. С. 9–22. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2944>.

REFERENCES

1. Kolshansky, G. V. (2007). *Contextual Semantics*. Moscow: LKI Publ. (in Russ.).
2. Kolokolnikova, M. Yu. (2009). The Role of Discourse Analysis in the Study of the Historical Development of Abstract Semantics Names (Based on the Vocabulary of the Moral and Ethical Sphere). In: *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 9 (4), 47–51 (in Russ.).
3. Lienhard, J. T. (1980). On “Discernment of Spirits” in the Early Church. In: *Theological Studies*, 41 (3), 505–529.
4. Fokin, A. R. (2018). Spiritual Discernment in St. John Cassian and in the Western Ascetic Tradition of the 5th–6th Centuries. In: *Christian Reading*, 5, 62–72. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10108 (in Russ.).
5. DeGraaf, D. (2005). Some Doubts about Doubt: The New Testament Use of Διακρίνω. In: *Journal of the Evangelical Theological Society*, 48 (4), 733–755.
6. Butakov, P. A. (2023). Faith, Doubt, and Diakrisis in Light of the Double Process Theory. In: *ΣΧΟΛΗ. Philosophical Classical Studies and the Classical Tradition*, 17 (2), 1084–1097. DOI: 10.25205/1995-4328-2022-17-2-1084-1097 (in Russ.).
7. Prokhorov, G. M. (1974). Cell Hesychast Literature (John Climacus, Abba Dorotheus, Isaac the Syrian, Simeon the New Theologian, Gregory of Sinai) in the Library of the Trinity-Sergius Lavra from the 14th to the 17th centuries. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 28: Studies on the history of Russian Literature of the 11th–17th Centuries. Leningrad: Nauka Publ., 1974. (in Russ.).
8. Kolesov, V. V. (2002). *Philosophy of the Russian Word*. St. Petersburg: Yuna Publ. (in Russ.).
9. Sreznevsky, I. I. (1872). *Pandects of Nikon the Black Mountain according to Ancient Translation*. St. Pererburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russ.).
10. Velikanov, P. I. (2020). Virtue of Prudence (Diacrisis) and Mystical Experience. In: *Mental Health and Religious Mystical Experience: Proceedings of the International Conference, Moscow, November 7–8, 2019*. Saint Petersburg: Scythia-print Publ. (in Russ.).
11. Arkhangelsky, A. S. (1882). *Nil Sorsky and Vassian Patrikeyev. Their Literary Works and Ideas in Ancient Russia: Reverend Nil Sorsky. Pt. 1. Reverend Nil Sorsky: Historical and Literary Essay by A. S. Arkhangelsky*. St. Petersburg: I. Voshchinsky's Publ. (in Russ.).
12. Kazakova, N. A. (1960). *Vassian Patrikeev and His Works: Research and Texts*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russ.).

13. Zhivov, V. M. (2017). *History of the Language of Russian Writing. Vol. 1*. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science Publ. (in Russ.).
14. Uzhankov, A. N. (2022). *Picture of the World of an Old Russian Scribe. Categories of Russian Medieval Culture*. Moscow: Institute of Heritage Publ. (in Russ.).
15. Anisimov, E. E. (2013). On the Heterogeneity of Religious Discourse. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 15, 9–22. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2944> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кытманова Екатерина Александровна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Государственного университета просвещения;
e-mail: ekaterina__k@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Kytmanova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Federal State University of Education;
e-mail: ekaterina__k@hotmail.com